

шиеся в годы войны, завершились нагнетанием антирелигиозных настроений и вытеснением церкви на периферию общественной жизни. Возросшее самосознание народа-победителя и приверженность партийно-государственного аппарата прежним методом руководства стали обыденной реальностью.

Примечание

- 1 Коммунист. 1945. 9 мая.
- 2 Там же. 11 мая.
- 3 Там же. 29 мая.
- 4 Коммунист. 1946. 26 апр.; ГАНИСО (Государственный архив новейшей истории Саратовской области). Ф. 594. Оп. 1. Д. 4672. Л. 1.
- 5 Коммунист. 1946. 17 февр., 1 и 15 марта, 26 апр.; 1948. 14 янв., 8 окт. и др.
- 6 Там же. 3 и 9 янв.
- 7 ГАНИСО. Ф. 4816. Оп. 5. Д. 1. Л. 7.
- 8 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4787. Л. 13–15.
- 9 Там же. Ф. 4816. Оп. 8. Д. 7. Л. 23.
- 10 Коммунист. 1945. 24 июля.
- 11 Власть и художественная интеллигенция : Документы ЦК РКП (б), ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1999. С. 588–596.
- 12 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4921. Л. 383.
- 13 Коммунист. 1948. 18 февр.
- 14 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 250. Л. 36, 169–171.
- 15 Там же. Оп. 7. Д. 4921. Л. 423.
- 16 Там же. Д. 1083. Л. 32.
- 17 Там же. Д. 619. Л. 185.
- 18 ГАСО (Государственный архив Саратовской области). Ф. Р-2864. Оп. 1. Д. 194. Л. 2–5.
- 19 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 534–535.
- 20 В июле 1949 г. Министерство образования СССР

восстановило Л. Жак на работе в СПИ, подтвердив увольнение из СГУ.

- 21 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1109. Л. 5, 14, 17, 41, 45, 47, 246–249, 266–275, 349 об, 429.
- 22 Кузнецова Н. В. Кампания против «космополитизма» в вузах и НИИ Саратова в 1947–1949 гг. // Историк и историография : материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова, 5–6 окт. 1999 года. Саратов, 1999. С. 236–243 ; ГАНИСО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 187. Л. 26 ; Ф. 594. Оп. 2. Д. 209. Л. 120–122.
- 23 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 715. Л. 16, 240, 261, 325–329 ; Д. 716. Л. 1–8.
- 24 Там же. Д. 476. Л. 43 ; Д. 715. Л. 35–36, 40, 52, 78–81 об, 331, 334.
- 25 Там же. Д. 1323. Л. 17, 23, 87–93, 155.
- 26 Там же. Д. 2175. Л. 176–184.
- 27 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 188. Л. 52 об.
- 28 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4774. Л. 32.
- 29 Там же. Л. 91.
- 30 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 658–659.
- 31 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1089. Л. 8.
- 32 Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 659.
- 33 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1380. Л. 74.
- 34 Там же. Л. 9 ; ГАСО. Ф. 1738. Оп. 1. Д. 431. Л. 10–12, 60–62, 79, 79 об.
- 35 Правда. 1949. 19 февр.
- 36 Там же. ; Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). С. 659.
- 37 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 963. Л. 21.
- 38 См.: Яковлев А. А., Теплов В. В., Плякин М. Е. Саратовские подвижники. Саратов, 2000. С. 76.
- 39 См.: За Христа пострадавшие : Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956 : библиогр. справочник. Кн. 1. М., 1997. С. 137.
- 40 Саратовские вести. 1992. 13 нояб. ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1131. Л. 15–30.

УДК 94(47).08 + 929 Аврус

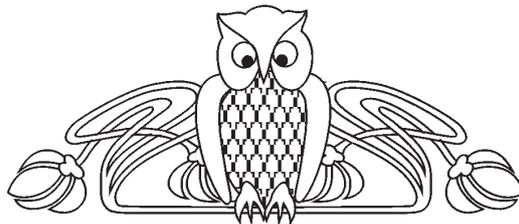
ПОЧЕМУ И КАК Я СТАЛ ИСТОРИКОМ?

А. И. Аврус

Саратовский государственный университет
E-mail: a.avrus@mail.ru

В статье представлены воспоминания профессора А. И. Авруса, его путь в историческую науку. Рассказывается, как у него появился интерес к истории, почему он поступил на исторический факультет СГУ, как выбирал темы для исследований, писал диссертации, работал в архивах. На основе собственного опыта автор даёт некоторые советы молодым исследователям, начинающим свой путь в науку.

Ключевые слова: история, Саратовский государственный университет, исторический факультет, научная деятельность, выбор темы, диссертация, архивы.

Why and How I Became the Historian?

A. I. Avrus

Memories of Professor Anatoly Avrus are devoted his way in historical science. He tells how he became interested in history and why did he join the history department of Saratov State University. He shares his own experience of choosing topics for research, writing dissertations and working in archives. The author gives some advice to young researchers who start their way in historical science.

Key words: history, Saratov State University, department of history, scientific activity, choice of research topic, dissertation, archives.

Родился я в 1930 г., а сейчас уже идёт 2013 г. Так что моя жизнь вместила несколько эпох: сталинскую, послесталинскую, перестройку, постсоветскую, внутри каждой из них можно выделить еще отдельные периоды. Другими словами, две трети XX века и первое десятилетие XXI прошли перед моими глазами, я был свидетелем, в какой-то степени участником событий этих эпох. И конечно, интерес к истории возник не случайно.

Отец мне рассказывал, но я этого совершенно не помню, что в четыре года у меня проявились какие-то математические способности: мог в уме складывать числа до миллиона (хотя не умел ни читать, ни писать) и об этом даже была заметка в районной газете на Украине, где мы тогда жили. Но родители не придали этому значения и избавили меня от всякого вундеркинства, за что я им благодарен.

Когда мне исполнилось 6 лет, отец показал мне буквы, научил складывать слоги и слова, а затем он уехал устраиваться на работу в Саратов. Через несколько месяцев отец приехал за нами, и я уже читал к тому времени газеты и до сих пор помню, что в числе первых мною прочитанных были посвящённые процессу над троцкистско-зиновьевским блоком в августе 1936 г. Так с первых шагов своего обучения чтению я оказался вовлеченным в политическую жизнь. Чтение по газетам способствовало быстрому освоению определённой лексики и возникновению интереса к политическим, а затем и историческим сюжетам.

В одном доме с нашей семьёй в Саратове жила Франциска Ксаверьевна Ботяновская, пожилая женщина, потомок сосланных после восстания 1863 г. в Саратов поляков. У неё было некоторое количество исторических книг, в том числе дореволюционных изданий, которые она мне давала читать. Большой интерес вызвала тогда у меня «Хрестоматия по истории средних веков» под редакцией П. Виноградова. А в теплое время года, сидя на крыльце, я читал ей последнюю информацию из газет (у неё было плохо со зрением). Вот полученные от неё книги, очевидно, также способствовали моему интересу к истории. При этом особенно меня интересовали книги по истории войн и о жизни полководцев. Здесь определяющую роль сыграли труды Евгения Викторовича Тарле, особенно о Наполеоне.

К окончанию начальной школы мой интерес к истории обозначился достаточно ясно, об этом свидетельствует сохранившаяся у меня книга К. Клаузевица «Итальянский поход Наполеона Бонапарта 1796 г.», подаренная мне отцом в июне 1941 г с надписью «будущему историку».

Особое влияние на формирование моих интересов оказал первый том «Истории ди-

пломатии», который отец передал мне 21 июня 1941 г., когда мы с мамой уезжали из Пензы, где проходила военная служба отца, в Саратов. Поезд из Пензы в Саратов шёл тогда почти сутки, так как саратовский вагон отцепляли в Ртищево, где много часов ждали московского поезда, к которому его прицепляли. И вот я, забравшись на вторую полку, всю дорогу читал первый том «Истории дипломатии» и закончил его при подъезде в Саратов утром 22 июня 1941 г.

Помню, как мама послала меня дать телеграмму отцу, что мы благополучно доехали, и я шёл мимо Липок к ближайшему почтовому отделению. Подходил к ул. Радищева, и вдруг из репродуктора раздался голос Молотова, сообщавший о начавшейся Великой Отечественной войне. Со всех сторон к репродуктору собирались люди и в полном молчании слушали это сообщение. Конечно, предчувствие войны висело в воздухе, но никто не ожидал её начала в этот воскресный день, особенно после сообщения ТАСС от 14 июня.

«История дипломатии» так повлияла на меня, что я долгие годы мечтал стать дипломатом и даже собирался поступать в Институт международных отношений, но близкие знакомые нашей семьи разъяснили мне в 1946 г., что прием евреев в это учебное заведение фактически закрыт.

В годы Великой Отечественной войны мною было прочтено большое количество исторической литературы. После призыва отца в ряды РККА в 1939 г. меня записали в библиотеку Дома Красной Армии, которая находилась в 200 метрах от нашего дома. Там был довольно хороший подбор исторической литературы. Помню, как мне удалось найти там воспоминания офицера наполеоновской армии, изданные в 1844 г.

В 5 классе, в связи с тем, что помещение нашей школы использовали под госпиталь, нас перевели учиться в здание во дворе напротив цирка, в котором занимались учащиеся сразу нескольких школ. Поэтому у нас уроки были всего 4 раза в неделю, по 4 урока в день, фактически, без перемен, длились они по 30 минут. Так что школа занимала всего 2 часа и не каждый день, а остальное время я посвящал в основном чтению. Часто было так, что утром брал в библиотеке книгу, к вечеру её прочитывал и бежал менять на следующую.

В те же годы мною было прочитано много художественной литературы: классической, в основном русской, а также приключенческой, фантастической и детективной. Читал я очень быстро, художественную литературу одолевал до 80 страниц в час (Дюма, Жюль Верна и т. п.), серьёзную научную или научно-популярную – до 40 страниц. Поэтому мог прочитать роман Жюль Верна или Дюма за один день. Думаю, что никогда больше я так много не читал. Сутками был один дома (отец на фронте, мама – хирург в госпитале), уроки выполнял быстро, и всё

остальное время отдавал чтению, особенно осенью и зимой, когда не особенно тянуло на улицу.

Учился я неплохо, из школьных предметов мне нравились история, география и математика. Но нужно сказать, что в старших классах у нас историю и географию вели, по моему мнению, не лучшие преподаватели школы. По этим предметам не приходилось готовиться, так как знал больше школьной программы. А вот математику у нас все годы преподавали прекрасные педагоги: Елизавета Никоновна Банковская в 31 нсш, Мирра Самуиловна Лёвина и Николай Сергеевич Ушаков в 19 мсш. Последний из них преподавал математику еще в дореволюционной гимназии, обладал огромным опытом, умел заинтересовать своим предметом большинство класса. Я был одним из тех, кто любил математику, особенно алгебру, планиметрию, тригонометрию, готов был сидеть часами, чтобы решить какую-нибудь заковыристую задачу. И когда я поступил на исторический факультет, Николай Сергеевич это не очень одобрил, наверное, он думал, что я пойду на мехмат. Но тяга к истории победила.

Когда мы закончили школу, то целой кампанией ходили по факультетам университета, выбирая, куда поступать. Помню, что нас особенно тепло встретили на биолого-почвенном факультете (на него тогда поступали почти одни девушки, особенно на биологическое отделение) и рисовали перед нами блестящие перспективы в будущем.

Не знаю, почему я тогда не поехал поступать в МГУ (у меня была золотая медаль). Вероятнее всего потому, что я был домашним ребёнком и не представлял себе жизнь без родителей (как раз в тот год отец демобилизовался из рядов Советской Армии и после 8-летнего отсутствия вернулся в Саратов). Трудно однозначно сделать вывод: хорошо было, что я не поехал в МГУ или плохо. Во всяком случае, для меня СГУ стал родным, настоящей *alma mater*, там я встретил тех людей, с которыми подружился на всю жизнь, там у меня были учителя, которым я обязан всеми моими результатами на поприще истории.

Учиться на историческом факультете СГУ мне было интересно, хотя, должен признаться, не все лекции я посещал, особенно на 2-х и 3-х курсах. Особое впечатление на меня произвели лекции Л. А. Дербова, Ю. Г. Оксмана (выдающегося профессора-филолога, которого приходили слушать с разных курсов и разных факультетов), И. С. Кашкина, А. И. Озолина, М. С. Персова; интересно проходили семинарские занятия, которые проводили А. В. Курсанова, Э. К. Путный, В. М. Гохлернер. Но были лекции не очень привлекательные, мало что дававшие студентам, были преподаватели, не умевшие интересно и с пользой для студентов проводить семинарские занятия.

Несмотря на то что часть лекций я пропускал, к семинарским и практическим занятиям всегда

готовился и старался их аккуратно посещать. При этом на семинарах обязательно выступал. У меня со студенческих лет сложилось убеждение, что на семинарах, конференциях, симпозиумах не хорошо быть только слушателем или свадебным генералом (это когда уже стал доктором наук, профессором), надо в них активно участвовать. Поэтому если я присутствую на научной конференции, защите диссертации, то, даже не являясь докладчиком или официальным оппонентом, считаю для себя обязательным задавать вопросы, выступать, высказывать своё мнение и т. п. Это не всегда воспринимается присутствующими позитивно, может кого-то и раздражает, но здесь у меня твёрдое убеждение, что, например, защита диссертации – определённая проверка уровня подготовки диссертанта и что нельзя присваивать учёную степень слабо подготовленному человеку. Иногда на этой почве происходили конфликты. Так, я отказался быть членом диссертационного совета по философским наукам в нашем университете в начале 1990-х гг., когда там стали защищать откровенно халтурные диссертации по научному коммунизму, а диссертанты не могли ответить на элементарные вопросы по той науке, по которой они защищали свою работу. В середине 1990-х гг. я покинул диссертационный совет по политическим наукам в СГУ, сославшись на то, что я не специалист по этим наукам, хотя почти все оставшиеся члены совета были такими же специалистами, как и я. Ведь диссертационные советы по политическим наукам только начали тогда создаваться, и учёных, имевших степени по политическим наукам, были единицы. Истинной причиной моего ухода было то, что Диссертационный совет, руководимый проф. В. М. Долговым, пошёл по пути снижения требований к диссертантам. Наверное, по причине моей требовательности к уровню диссертаций не включил меня в состав Диссертационного совета, созданного при СЭИ (СГСЭУ), его председатель проф. В. А. Динес, считая, что в совете достаточно и одного требовательного человека – проф. В. Д. Полищука.

Я немного отвлекся от последовательного рассказа о своем пути в историческую науку. Хочу отметить, что очень большую роль в моём становлении сыграла доцент Эстер Эммануиловна Герштейн, которая была моим научным руководителем три года. Именно она научила меня серьёзной работе с источниками, помогала выработать стиль написания исторических текстов, объективно оценивала написанное мною, сурово отчитывала за ошибки. Зная о моём интересе к проблемам внешней политики, Эстер Эммануиловна направляла меня на подготовку докладов и дипломной работы именно по этой проблематике. Так, на 3 курсе я выступал с докладом в научном кружке о советской политике по германскому вопросу после Великой Отечественной войны, на 4-м курсе написал курсовую работу о помощи СССР республиканской Испании в годы

гражданской войны, а на 5-м курсе дипломную работу о помощи Советского Союза Китаю в борьбе против японской агрессии. Конечно, все эти работы были крайне тенденциозны, так как источники были ограничены и однотипны (в основном материалы советской периодики). Но даже на такой источниковой базе под руководством Э. Э. Герштейн я научился обобщать фактический материал, делать какие-то свои выводы, грамотно писать. Всё это пригодилось в дальнейшем.

К сожалению, я не получил возможности поступить в аспирантуру сразу после окончания университета. Шёл 1952 г., антиеврейская кампания набирала силы, близилась к своему апогею. В такой обстановке, хотя я был одним из двух именных стипендиатов на факультете, имел в зачётке только «пятерки», мне не дали рекомендацию в аспирантуру, а при распределении вызвали в кабинет ректора одним из последних, когда все приличные места уже были разобраны. Мне досталось место учителя в школе на ст. Озинки, на самом краю Саратовской области. Но и туда я не попал, хотя строил планы, как я попрошу в школе, чтобы не ставили уроки на субботу, и я буду в пятницу вечером уезжать в Саратов, чтобы в субботу и воскресенье позаниматься в библиотеках.

В это время Министерству высшего образования РСФСР было дано указание направить в союзные республики выпускников российских вузов для усиления русского влияния в связи с проявлениями местного национализма. По этой причине нескольким выпускникам с нашего курса не утвердили распределение в Саратовскую область и определили новое место работы – Казахстан. Нас снова вызвали в ректорат и предложили выбирать, куда мы теперь поедём работать. Я был очень расстроен, рушились все мои планы. Поэтому выбрал самую дальнюю школу в Восточно-Казахстанской области, куда надо было добираться поездом более 5 суток (четверо до Алма-Аты и свыше суток от Алма-Аты).

Незадолго до отъезда я прочитал в «Правде», что в Казахской ССР открывалось несколько новых пединститутов, и решил попытаться устроиться туда. Поэтому я пораньше выехал в Алма-Ату и там пошёл в Министерство образования, где выяснил две вещи: первую – на казахский вуз мне нечего рассчитывать; вторую – в Казахстане не очень ждали учителей из России, иногда их присылают на место, которое занимал казах, но без высшего образования. Мне посоветовали послать запрос в школу, куда я должен был ехать. Две недели я ждал ответа, приближалось начало учебного года, и тогда в Министерстве мне посоветовали написать заявление с просьбой освободить меня от назначения в связи с тем, что отец у меня был инвалидом Великой Отечественной войны. На этом заявлении появилась необходимая резолюция, и я мог уезжать в Саратов.

Правда, в последний день моего пребывания в Алма-Ате прислали, наконец, телеграмму из Усть-Каменогорска с предложением приехать; я пошёл в Министерство, но там сказали: приказ о вашем освобождении от назначения уже подписан, езжайте в Саратов, мы здесь разберёмся.

По приезде в Саратов с большим трудом (так как уже начинался учебный год) устроился на работу преподавателем в Областной техникум физической культуры. Там я проработал более двух лет, обучал учащихся истории СССР и истории спорта. Преподавать в таком техникуме было непросто, так как у учащихся там двойная нагрузка: кроме обычных уроков по школьной программе, ежедневные тренировки и постоянное участие в соревнованиях. Поэтому у них не было отдыха и в воскресные дни, некогда было готовиться к урокам. В связи с этим требовать от них хороших ответов было трудно, надо было как можно больше давать им на уроках (они были сдвоенными и позволяли фактически читать лекции), заинтересовывать их.

После двух лет работы в техникуме, где я получил определённый преподавательский опыт, я был избран зам. секретаря комитета комсомола Саратовского университета и три года исполнял эти обязанности.

И во время, работая в техникуме, и на комсомольской работе я старался следить за исторической литературой и продолжал надеяться поступить в аспирантуру. Должен сказать, что в этом направлении на меня оказывали постоянное давление Игорь Васильевич Порох и Владимир Борисович Островский, ставшие уже кандидатами наук и преподававшие в СГУ. Игорь Васильевич узнал, что в 1957 г. будет приём в аспирантуру по истории СССР в Московском городском педагогическом институте им. Потёмкина, и предложил мне заняться историей декабристов. Он консультировал меня, помог определить тему вступительного реферата, посоветовал поработать в фондах архива Государственного исторического музея, в котором были источники, ещё не введённые к тому времени в научный оборот. Мне удалось две недели позаниматься в этом архиве и написать первую научную работу о Московском съезде Союза благоденствия в 1821 г., в которой, в частности, был уточнён состав участников съезда по сравнению с тем, что имелось в публикациях. Я надеялся, что вступительные экзамены в аспирантуру будут, как обычно тогда, в сентябре, и за лето смогу к ним подготовиться. Но их проводили в начале июля. На одно место было 7 претендентов, и лучше всех подготовленным оказался Николай Троицкий, которого и зачислили. У меня был второй результат, обещали добиться второго места, но я его не дождался.

После возвращения в Саратов желание заниматься наукой у меня не прошло, хотя ряд последующих лет оказались самыми трудными,

пришлось переменить несколько мест работы: два года числился ассистентом кафедры истории СССР СГУ, но занимался административной работой с заочниками; затем работал на формирующихся тогда подготовительных курсах для поступающих в университет (будущее подготовительное отделение), преподавал историю в школе рабочей молодёжи № 4. В это время появилась при кафедре истории КПСС СГУ, которую с 1956 г. возглавил Владимир Борисович Островский, аспирантура. Я прикрепился к этой кафедре и приступил к сдаче кандидатских экзаменов. А затем Владимир Борисович определил мне в качестве научного руководителя Якова Андреевича Эльфонда.

После сдачи кандидатского минимума стало возможным попасть работать в вуз. В это время кафедрой истории КПСС диалектического и исторического материализма в Саратовском сельскохозяйственном институте заведовал Владимир Георгиевич Ходаков, которого я хорошо знал ещё по студенческим годам. Он не только согласился принять меня на работу на кафедру в качестве ассистента, но и отстаивал мою кандидатуру в ГК КПСС, где было обязательное утверждение всех преподавателей кафедр общественных наук. Это был 1961 г., когда Н. С. Хрущёв выступил с идеей перенести сельскохозяйственные вузы с городского асфальта на колхозные поля. И в Саратове тогда обсуждался проект объединения трех сельскохозяйственных вузов в одну сельскохозяйственную академию (что осуществили в 1990-е гг.) и строительства для неё городка недалеко от Аткарска. Помню, как на собеседовании в ГК КПСС Фёдор Фёдорович Ливанов (тогда работник Горкома, а позже преподаватель кафедры философии СГУ) меня всё допытывал, поеду ли я в место будущей дислокации вуза.

В 1961–1964 гг. я трудился ассистентом в СХИ, но уже с первого семестра Владимир Георгиевич поручил мне читать лекционный курс. Вообще, Владимир Георгиевич сыграл в моей судьбе и моём становлении в качестве преподавателя большую позитивную роль. Буквально через несколько недель после того, как я приступил к чтению лекций в СХИ, приехала московская комиссия для проверки проведения в вузах занятий по разъяснению студентам материалов XXII съезда КПСС (в те годы после каждого партийного съезда издавалось постановление об изучении его материалов, на что отводилось немало лекционных и семинарских часов за счёт не только истории КПСС, но, нередко, и других предметов). Комиссию возглавлял доцент одного из московских вузов, Герой Советского Союза Каркоценко (не помню имя и отчество). Он побывал на моей лекции и остался недоволен тем, как я трактовал ряд теоретических положений третьей Программы партии. При обсуждении моей лекции завязалась дискуссия, меня поддержали Владимир Георгиевич и присутствовавший на

лекции зав. отделом науки Обкома партии Иван Семёнович Терехов (в будущем проф., доктор исторических наук, зав. каф. истории КПСС Саратовского пединститута). Их поддержка помогла отбить атаку председателя комиссии, в противном случае дело могло кончиться для меня определёнными оргвыводами.

Нужно отметить, что с первых лет работы в вузе при чтении лекций, я не писал их текстов, а завёл для себя карточную систему: на небольших каталожных карточках записывал план лекции, основной фактический материал, особенно цифровой, нужные мне цитаты. Карточная система давала возможность не быть привязанным к кафедре свободно двигаться по аудитории, следить, как работают студенты, импровизировать текст самой лекции (до сих пор не люблю читать готовые тексты, будь то лекция, научная конференция, оппонентское выступление). Конечно, такая методика имеет свои плюсы и минусы. Иногда после лекции вспоминаешь: а вот это я упустил, а вот этот пример не привёл, а вот это высказывание не процитировал.

Когда, наконец, в 1964 г. появилась возможность поступить в аспирантуру на кафедру истории КПСС СГУ, то именно Владимир Георгиевич Ходаков поддержал меня, хотя дирекция института не очень хотела отпускать. Правда, договорились, что в первом семестре я продолжу читать лекции и проводить занятия в институте. И в дальнейшем Владимир Георгиевич мне оказывал помощь, он был одним из официальных оппонентов на защите кандидатской диссертации. Когда же через несколько лет он перешёл работать в СГУ, мы оказались с ним на одной кафедре и постоянно сотрудничали до последних лет его работы в университете. Сын его, Георгий, был моим спецсеминаристом, дипломником и аспирантом, успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории спорта и работал доцентом в Поволжской академии госслужбы.

Поступил я в аспирантуру за несколько месяцев до предельного срока (тогда принимали только до 35 лет). Поскольку кандидатские экзамены были сданы, мне установили сокращённый срок пребывания в аспирантуре – 2,5 года. Но удалось справиться с написанием диссертации за год с небольшим и закончить аспирантуру с защитой фактически за 1,5 года.

Хочу остановиться на двух вопросах: выборе темы диссертации и восприятии решений XX съезда КПСС. Поскольку я прикрепился к кафедре истории КПСС, то мне надо было выбирать в качестве исследовательской проблемы что-то, связанное с историей партии. Но в круг историко-партийной тематики входили и вопросы истории комсомола, профсоюзов, общественных организаций, международного рабочего движения. С моим научным руководителем Яковом Андреевичем Эльфондом мы остановились на актуальной тогда (к сожалению, больше на

словах, чем на деле) проблеме привлечения трудящихся к управлению производством по линии профсоюзов. Ведь в принятой на XXII съезде КПСС Программе партии подчёркивалось, что постепенно часть функций государства будет передаваться по мере приближения к коммунизму общественным организациям. А незадолго до XXII съезда на декабрьском Пленуме ЦК КПСС (1957 г.) было принято Постановление о повышении роли профсоюзов, в котором, в частности, на них была возложена обязанность руководить создававшимися тогда постоянно действующими производственными совещаниями (ПДПС). Эти ПДПС должны были формироваться в основном из представителей рабочего класса, обсуждать важные производственные вопросы, собирать и добиваться претворения в жизнь рационализаторских предложений, вовлекать, таким образом, рядовых работников предприятий в управление ими. Вот задача моего исследования и состояла в том, что бы выявить, как всё это претворялось в жизнь, какие есть успехи и трудности, что можно посоветовать для улучшения работы ПДПС. Писал я эту работу на общесоюзном материале, использовал широко не только архивные источники, но и статистику, побывал на нескольких саратовских предприятиях и познакомился с работой конкретных ПДПС.

Конечно, мне хотелось дать как можно более объективную картину происходившего в ПДПС и вокруг них. Но это было невозможно, и прежде всего потому, что исследователь в те годы не мог получить нужного ему архивного материала. Теперь уже не так много осталось тех, которые помнят, как приходилось работать в партийных архивах. Попытаюсь рассказать об этом. Во-первых, огромная масса партийных документов хранилась под грифом «секретно» или «совершенно секретно», при этом правила такого хранения были приняты Оргбюро ЦК РКП (б) ещё в 1923 г. (вскоре после того, как Сталин стал генеральным секретарём ЦК, и Оргбюро попало под полный его контроль). Какие только документы не попадали под этот гриф! Приведу только один пример. В начале 1990-х гг. я писал очерк о Владимире Борисовиче Островском и изучал документы о нём в бывшем Саратовском партийном архиве. И вот получаю одно из дел о нём с грифом «совершенно секретно», открываю его и нахожу выписку из решения бюро Саратовского обкома ВКП (б) о рекомендации в аспирантуру. Вот, оказывается, какой совершенно секретный документ не мог раньше выдаваться исследователю! Но даже, чтобы получить любой документ в партийном архиве, исследователь должен был иметь допуск, оформлявшийся первым отделом ректората (спецчастью). Допуски были трех степеней (они, кстати, нужны были и для работы в спецхранах библиотек, где находилось огромное количество литературы, изъятой из общего доступа). Кроме допуска, ещё

должна была быть резолюция на вашем заявлении с просьбой допустить работать в партийный архив, подписанная на уровне секретаря обкома партии по идеологии. Я помню, как трудно было попасть на приём к секретарю Саратовского обкома КПСС В. М. Черныху, чтобы получить такую резолюцию, и как быстро решался этот вопрос в Волгограде.

Во-вторых, все формальности преодолены, вы получили допуск и нужную резолюцию, приходите в архив, заказываете дела, начинаете с ними работать. Тут возникают новые проблемы. Вы должны принести в архив пронумерованную постранично тетрадь, в конце которой работник архива подтверждает количество страниц и ставит печать. Каждый день после работы в архиве вы обязаны сдавать эту тетрадь работнику архива, он запирает её в сейф. Получали вы эту тетрадь на руки или когда кончали работу в архиве, или когда закончена тетрадь. Открывали тетрадь и что там видели: половина, а то и более ваших записей вырезана архивными работниками, от некоторых документов остались рожки да ножки. Обращались к работнику архива за разъяснением и получали ответ: у вас слишком много негатива в записях, а часть записей не имеют отношения к вашей теме (конечно, работник архива лучше исследователя знал, что нужно, а что не нужно автору). При работе в Центральном партийном архиве (в Москве) вы вообще не получали своих записей на руки, а они после проверки и такой же обработки ножницами высылались фельдьегерской почтой в адрес первого отдела вашего вуза, где вы их получали под расписку иногда через какое-то время. И тут уже некого было спросить, почему что-то вырезано. Конечно, российский человек при всех режимах научился обходить законы и распоряжения. Поэтому исследователи, работая в партийных архивах, нередко на каких-то клочках записывали особенно для них важное, рассовывали их по карманам и выносили из архивов. Обладавшие хорошей памятью по возвращении домой старались воспроизвести нужные им данные.

Чтобы закончить с темой архивов, хочу вспомнить ещё два момента из того времени, когда я работал над докторской диссертацией. Тема диссертации была связана с историей международного рабочего движения 1920–1930-х гг. Поэтому, естественно, мне надо было работать в Центральном партийном архиве при Институте марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ). Получил разрешение на работу там и пришёл к зав. сектором документов по истории мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движений. Прошу её дать мне возможность ознакомиться с материалами Коминтерна. Слышу в ответ, что они не выдаются исследователям. Тогда я говорю, что мой научный руководитель, Я. А. Эльфонд получил доступ и использовал эти материалы в своих публикациях. Зав. сектором

мне отвечает: А вы знаете, что он 10 лет добивался разрешения на это? Так я и не получил в ЦПА материалы Коминтерна, пришлось ограничиваться тем, что было опубликовано коминтерновской периодикой. Благо, что Исполком Коминтерна многие годы выпускал Бюллетень на немецком, французском и английском языках, в котором публиковались не только официальные документы, но и стенографические отчеты конгрессов Коминтерна, Пленумов ИККИ, съездов ряда коммунистических партий, материалы многих организаций коминтерновского фронта (Профинтерна, Крестинтерна, КИМа, Межрабпома, МОПРа, Красного спортивного интернационала и т. д.). К сожалению, многие советские исследователи не добивались до этих бюллетеней, хотя они имелись в некоторых библиотеках. Работать с ними было, конечно, сложно: на иностранном языке, выходили 2–3 раза в неделю объемом в 40–60 и более полос.

Поскольку я решил восстановить историю одной из прокоминтерновских организаций – Международной организации помощи борцам революции (МОПР), мне нужно было изучить её фонд в ЦПА. Обратился к той же зав. сектором ЦПА, она мне сказала, что описи этого фонда не выдаются, а я могу просто писать в заявке, какого типа документы я хочу получить. Тогда работники архива решат, есть ли такие документы и можно ли их мне выдать. (Работавшие в архивах знают, что заказывать дела без описи всё равно, что покупать кота в мешке). Так все десять лет работы в ЦПА я и не увидел описи, а когда в конце 1980-х, уже через 10 лет после защиты докторской, познакомился с ними, то выяснил, что многое из того, что мне было нужно, я не получил. Хорошо ещё, что в ЦПА нашлись люди, ставшие моими друзьями на долгие годы: Г. М. Адиебеков, Л. Г. Бабиченко, М. М. Мухамеджанов, которые подсказывали мне, что заказывать, так как участвовали в формировании некоторых фондов архива. Можно ли было в таких условиях работы написать объективное научное исследование, хотя я по мере возможности, умения и сил старался это сделать.

Когда встал вопрос об использовании в публикациях документов ЦПА, то надо было получить разрешение на это от архива. Вновь иду к зав. сектором, она мне говорит, что может дать разрешение лишь на глухие ссылки (а глухую ссылку невозможно проверить, она наводит на подозрение в отношении автора), что полную ссылку на документы ЦПА нельзя делать. А в это время вышла книга болгарского исследователя Д. Мичева по сходной с моей тематике, в которой были открытые ссылки на ЦПА. Зав. сектором всплеснула руками: он нас обманул, мы разрешили ему делать ссылки на наши документы при условии, что он их переведёт на фонды ЦПА БКП. Но в результате я, наконец, получил разрешение в своих публикациях и диссертации делать

открытые ссылки на фонды ЦПА. Болгарский исследователь оказал мне братскую помощь!

Должен отметить, что меня всегда больше интересовала история XX века, а не античность и средневековье, хотя считаю, что без знания важнейших моментов истории этих эпох нельзя глубоко разобраться в проблемах новейшей истории. Поэтому старался следить за новыми публикациями по различным периодам отечественной и зарубежной истории.

Что касается выбора конкретной темы для исследовательской работы, то я никогда не мог на долгие годы сосредоточиться на какой-то одной проблеме и заниматься только ею. Поэтому у меня получился довольно большой разброс тематики исследований: декабристы, ПДПС, МОПР, история российских университетов, интеллигенция, партия социалистов-революционеров, биографии Мартова и Чернова, история спорта. У меня наступает, по мере вхождения в тему, такой момент, когда я считаю, что в данной проблеме достаточно разобрался, а дальше пойдут только количественные накопления. Поэтому надо завершать работу по этой проблеме и переходить к другой, которая мне ещё мало знакома. При этом возможна иногда одновременная работа по нескольким темам, это может давать даже стимулирующий эффект.

Конечно, желательно, чтобы сделанное тобой не оставалось в ящике письменного стола или в компьютере, а было опубликовано, стало доступным заинтересованным людям. В современных условиях каждый автор имеет возможность, если не напечатает свой труд, то поместить его на сайте. В советские времена таких возможностей не было, отсюда стремление к публикациям. Мне в какой-то степени повезло, так как почти всё, что я писал в те годы, удавалось опубликовать. Но когда я сравниваю количество опубликованного мною за 30 лет советского периода и 20 лет постсоветского, то разница большая: в постсоветский период публикаций намного больше. Появилось большое количество новых журналов, периодических сборников, в которых можно поместить результаты своих исследований. Кроме того, наличие персональных компьютеров позволяет гораздо быстрее и качественнее готовить публикации.

Должен сказать, что у разных представителей исторической науки свой подход к научной работе и, в частности, к методике написания статей и монографий. Одни привыкли работать систематически и считают для себя обязательным писать буквально ежедневно. Другие могут долго обдумывать будущий текст, а потом сесть за стол и быстро записать продуманное. Блестящим примером первого типа является профессор Николай Алексеевич Троицкий, который старается ежедневно написать по 3 страницы текста. Такая систематическая работа обеспечила то, что из-под его пера вышло 40 книг и сотни

статей, способствовала выработке собственного стиля изложения результатов исследований. Я искренне завидую Николаю Алексеевичу, пытаюсь следовать его примеру, но хватает меня всего на несколько дней. Гораздо чаще я долго не могу приступить к работе над текстом, но когда поджимают сроки представления рукописи, могу за несколько дней написать большую статью, а за два-три месяца – солидную по объёму монографию. Мне нужно, чтобы текст почти полностью созрел у меня в голове и наступило такое состояние, когда уже откладывать написание нельзя или некуда.

Подводя некоторые итоги своей жизни, задаю себе вопрос, кем же я все-таки был: учёным, преподавателем, воспитателем, популяризатором? Ответить на этот вопрос не просто. Но я точно знаю, что не могу считать себя учёным. Мне

кажется, что настоящих историков-учёных единицы, не все академики и члены-корреспонденты РАН таковыми являются. Учёный – это человек, создающий в науке что-то новое, опровергающий своими трудами привычные представления. Если брать средневековые сравнения (а университет вырос из средневековой корпорации), то настоящий учёный, прежде всего, Мастер, глава научной школы, а все остальные – только подмастерья, в лучшем случае самостоятельные ремесленники.

Думается, что таким историкам, как я, более всего подошёл бы довольно распространённый в XVIII–XIX вв. термин «просветитель». Свои заслуги я вижу в том, что кого-то заинтересовал историей, кому-то помог определиться с выбором темы исследования, с написанием диссертации.